

Н. М. Люкина, Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян, Ижевск 2016. 200 с.

Бесермянское наречие как самостоятельную структурно-территориальную единицу удмуртского языка впервые выделил Ю. Вихманн в конце XIX столетия. С тех пор оно служило объектом изучения многих ученых (Д. И. Корепанов, Г. А. Архипов, Т. И. Тепляшина, В. К. Кельмаков, М. И. Федотов и др.). Наибольшей фундаментальностью отличается книга Т. И. Тепляшиной «Язык бесермян» (Москва 1970), которую положительно оценили отечественные и зарубежные финно-угроведы. В ней впервые представлено системное синхронное описание рассматриваемого диалекта: выявлены состав гласных и согласных фонем и произносительные особенности специфических звуков, установлены закономерности фонемной синтагматики, а также сделана попытка проследить историю формирования фонетической системы бесермянского диалекта; в области морфологии даны парадигмы словоизменения и система словообразования почти всех знаменательных частей речи, за исключением наречия.

В настоящее время, спустя почти полвека после выхода в свет монографии Т. И. Тепляшиной, отдельные ее положения нуждаются в уточнении или дополнении. С течением времени под воздействием социолингвистических факторов, не совсем благоприятных для естественного развития диалектов, неустойчивость языковых явлений и их неодинаковая распро-

страненность в говорах требуют, возможно, нового освещения. Исследование в сравнительном плане современного языкового материала по балезинским и юкаменским бесермянским говорам, проведенное Н. М. Люкиной, определяет научную новизну работы и ставит ее в ряд актуальных трудов по современной удмуртской диалектологии.

Книга Н. М. Люкиной — результат изучения ею бесермянского наречия на основе собственных наблюдений и записей полевых материалов диалектологических экспедиций студентов филологического факультета Глазовского государственного педагогического института, проведенных под ее руководством в 2000—2007 гг. в населенных пунктах Балезинского, Юкаменского, Якшур-Бодьинского и Ярского районов Удмуртской Республики и в четырех населенных пунктах Слободского района Кировской области. Сравнительно-сопоставительное описание фонетической системы и морфологической структуры бесермянских говоров, распространенных на территории Юкаменского и Балезинского районов, привело автора к выводу, что языковые факты, описанные в монографии Т. И. Тепляшиной, не всегда совпадают с ее данными и/или в настоящее время уже не обнаруживаются в речи местных бесермян.

Исследование Н. М. Люкиной состоит из предисловия, введения, двух

глав, заключения, списка сокращений и использованной литературы и источников и приложений. В предисловии (с. 7—9) приводятся сведения о бесермянском народе и о специалистах-бесермяноведах.

Во введении (с. 11—32) Н. М. Люкина логично обосновывает актуальность выбранной темы, описывает методику исследования, дает обзор изучения бесермянского наречия, делая выводы: 1) фиксация речи бесермян началась в конце XVIII столетия; 2) наибольшую научную ценность представляют фольклорно-диалектологические тексты Ю. Вихманна, работа Д. Корепанова «Бесермяне», статьи и монография Т. И. Тепляшиной, а также современные исследования В. К. Кельмакова и др.; 3) еще не все явления бесермянского диалекта достаточно полно описаны. Представлен исторический экскурс, приводятся разные мнения о том, кто такие бесермяне.

В первой главе «Фонетика» (с. 33—69) рассматриваются явления вокализма и консонантизма, характерные для исследуемых говоров бесермянского наречия. Вопреки утверждению Т. И. Тепляшиной об утрате бесермянами гласного среднего подъема среднего ряда *ɛ*, автор на большом фактическом материале доказывает его фонематический характер во всех исследуемых говорах: в одних случаях *ɛ* «функционализирует как единственный репрезентант праудмуртского **ó*, в других в той же функции выступает в альтернации с другими гласными» (с. 36). Другим важнейшим дифференциальным признаком бесермянского диалекта в области вокализма, как отмечает Н. М. Люкина, является употребление неогубленного *ɔ̃* в соседстве с велярными и палатальными согласными, что обусловлено, по ее мнению, прежде всего рефлексацией праудм. **ü* (**ü* > [*j*] > *ɔ̃*). Далее исследуются различные фонетические явления в области вокализма, встречающиеся в речи юкаменских и балеинских бесермян: апокопа, протеза, афферезис, эпентеза, синкопа, ассимиляция и др. Каждое свое положение автор

подтверждает множеством примеров, а при необходимости сопоставляет с данными других удмуртских диалектов.

Кроме того, автор анализирует акцентуационную систему бесермянского наречия, на которую ранее не обращалось внимания (с. 45—48).

В области консонантизма наиболее характерные явления в исследуемых говорах — это палатализирующее влияние *i* и *e* на велярные парные согласные, фонематический характер согласного *ɟ* перед *a* и дистрибуция аффрикат.

Значительные изменения в структуре языка бесермян, как отмечает исследователь, связаны с влиянием гласных переднего ряда на соседние велярные согласные. Палатализирующее влияние *i* и *e* распространено на велярные парные согласные *n*, *t*, *d*, а иногда *s*, *l*. Смягчение зубных согласных происходит в пре- и постпозиции к этим переднерядным гласным.

По подсчетам Н. М. Люкиной, в анализируемых ею бесермянских говорах «обнаружено с анлаутным *ɟ* в общей сложности 17—18 корней (из 31 известных на сегодняшний день)» (с. 57). Причины отклонений в употреблении данного согласного в этих говорах автор видит в следующем: 1) в лексиконе информантов отсутствуют некоторые лексемы на инициальный *ɟ(a-)*, 2) в речи некоторых бесермян вместо ожидаемого *ɟ(a-)* представлено *v(a-)*, что обусловлено влиянием удмуртского литературного языка.

Что касается аффрикат, фонемную функцию в сравниваемых говорах бесермян сохранили или сохраняют, судя по приведенным примерам, лишь две палатальные аффрикаты — *č* и *š*. Велярные аффрикаты в зависимости от положения в слове в одних случаях замещаются палатальными *t'* и *d'* (в анлауте перед *-Vš(-)/-Vž(-)*) или палатальными аффрикатами и щелевыми согласными *š* и *ž*, в других — фрикативным *š* (в аусллауте) или фрикативным *š* и палатальными аффрикатами (в инлауте). Однако, как отмечает Н. М. Люкина, в настоящее время наблюдается спорадическое появление анлаутных

велярных аффрикат \check{c} и \check{s} , что объяснимо «влиянием северных диалектов удмуртского языка» (с. 62).

В области консонантизма рассматриваются и такие явления, как переход этимологических щипящих в свистящие, упрощение консонантных групп, разные виды ассимиляции, озвончение, единичные фонетические явления. Например, по поводу упрощения сочетаний согласных типа $-rCC-$ ($> -rC-$ ~ $-rCC-$) и $-l'CC-$ ($> -l'C-$ ~ $-l'CC-$) в структуре корня, автор отмечает, что анализируемый материал показывает сосуществование кратких и полных форм, что по ее мнению, обусловлено «влиянием северноудмуртских говоров и литературного языка» (с. 64). Л. Н. Люкина отмечает интересную особенность в речи лекминских и юндинских бесермян, отсутствующую в других пермских языках, – озвончение этимологических глухих смычных перед губно-зубным v .

Во второй главе «Морфология» (с. 70–146) анализируются знаменательные и служебные части речи с парадигмами склонения и спряжения. Характерными чертами морфологии изучаемых говоров автор считает следующие: 1) образование существительных со значением места совершения действия в лекминском и ворцинском говорах с помощью суффиксов $-nig$ ($-nik$), употребление которых еще не выявлено в других удмуртских диалектах; 2) использование в глаголах настоящего времени аффиксов $-čiko$ и $-žiko$, выявленных автором в речи лекминских бесермян; 3) употребление причастия «настоящего времени» от глаголов I спряжения в двух вариантах — $-(i)š$ и $-(š)š$; 4) образование возвратного залога с помощью суффиксов $-čik-$, $-čik-$, $-žik-$, $-čk-$, $-sk-$; 5) редупликация суффикса многократного вида ($-l'al'la-$) и др. Одни черты отличают исследуемые говоры от других диалектов, вторые сближают их с северноудмуртским или южным наречиями. Л. Н. Люкина подробно проанализировала сложные формы прошедшего времени (прошедшее длительное, прошедшее многократное, пер-

вый и второй плюсквамперфекты) (с. 124–125), деепричастие (с. 131–132) и наречие (с. 132–136), что отсутствует в книге «Язык бесермян» Т. И. Тепляшиной.

«Заключение» (с. 147–155) содержит выводы и придает необходимую цельность исследованию. Дополняют его приложения, включающие список информантов (с. 173–175), несколько таблиц об употребимости звука g , фонемы δ вместо j ; показывающих рефлексацию праудм. $*i$ и дистрибуцию аффрикат. Особую ценность представляют диалектные тексты в финно-угорской фонематической транскрипции с переводами на русский язык и полной паспортизацией.

Некоторые недочеты, по мнению рецензента, сводятся к следующему: 1. Во введении было бы уместно привести разные гипотезы о происхождении этнонима бесермян. Не лишним было бы также упомянуть, что в последнее время есть тенденция выделять бесермян как отдельный этнос. 2. Работа бы выиграла, если бы ее автор использовала карты исследуемого ею региона и распространения описанных языковых явлений.

В заключение необходимо отметить, что указанные замечания никак не влияют на общую оценку работы. Она представляет собой своевременное исследование и весомый вклад в удмуртскую (пермскую) и финно-угорскую лингвистику. Книга может быть полезна как исследователям-теоретикам в области финно-угорского языкознания и практикам – преподавателям удмуртоведческих дисциплин, так и всем, кому не безразлична история духовной культуры удмуртского народа.

Л. М. ИВШИН (Ижевск)

Address

L. M. Ivshin
Udmurt Institute of History,
Language and Literature
E-mail: leonid-ivshin@rambler.ru